

МЕЖДУ МИСТИКОЙ И ТЕХНИКОЙ: АНАГРАММА В КУЛЬТУРЕ ЕВРОПЕЙСКОГО БАРОККО*

Рассмотрена история феномена анаграммы в европейской культуре эпохи барокко (XVII век). Продемонстрировано жанровое разнообразие литературы, в которой использовались анаграммы, отмечены основные тенденции в развитии практик анаграммирования. Определены проблемы для будущего изучения темы применения анаграмм в разных областях европейской культуры Нового времени.

Ключевые слова: анаграмма, барокко, европейская культура.

Такой поэзии надо было учиться, она вся построена на искусстве изобретения, знании технических приемов и остроумии и требует от поэта виртуозного владения словом и стихом. Тонкая игра слов — наслаждение для ума.

*Л. И. Сазонова. Литературная культура России.
Раннее Новое время*

Искусство анаграммирования, которое было известно античной, средневековой и ренессансной культуре в Европе, в эпоху барокко¹ приобрело необыкновенную популярность, вслед-

© Дементьев И., 2016

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Анаграмматические коды: когнитивные основания и текстопорождающие возможности» №14-04-00124.

¹ При всем многообразии подходов к периодизации культурно-исторических эпох в Европе будем в настоящей статье придерживаться рамок XVII века с учетом того, что в фуколдианской системе координат границы эпистемы барокко обозначаются двумя публикациями: «De revolutionibus» Н. Коперника (1543) и «Opticks» И. Ньютона (1704) (см.: [31, р. 19]). Несмотря на то что часть обсуждаемых далее феноменов выходит, строго говоря, за рамки барочной культуры в узком смысле слова, для удобства изложения будем трактовать понятия «культура барокко» и «культура XVII века» синонимически (оговаривая специально особые случаи).

ствии чего XVII век (иногда даже не без высокопарности) именуют «столетием анаграмм» [18, S. 7]. Из утонченной интеллектуальной игры анаграмма превратилась в специфический культурный феномен, в рамках которого соединялись и новые механизмы текстопорождения, и практики политической борьбы, и первые попытки рефлексии над основаниями изящной словесности. Тем более парадоксальным выглядит отсутствие специальных исследований, посвященных роли анаграммы в барочной культуре.

Задача настоящей статьи — рассмотреть основные особенности указанного феномена в европейской культуре XVII века на материале самых влиятельных национальных литератур — английской, немецкой и французской. Конечно, подобный селективный подход чреват некоторыми искажениями, поскольку наряду с указанными регионами мощные барочные традиции существовали как на западе (Испания), так и на востоке Европы (Польша). Однако рассмотреть проблематику анаграммирования на макро- и микроуровне (соотнося национальные варианты с общеевропейским контекстом) — отдельная задача. Ее решение требует осмысления колоссального материала, которым нас снабжает эпоха европейского барокко. Выбор трех названных культурных традиций, скорее, позволит обозначить главные тенденции в развитии анаграмматизма и определить специфику барочной эпохи (на фоне предшествующей и последующей) с точки зрения эволюции подходов к анаграммированию. Такой подход должен обогатить наши представления и о культурной обособленности барокко, и о роли анаграмм в культурных и социальных практиках европейских обществ.

Европейская культура позднего Средневековья знала две стратегии использования анаграмм как искусства порождения новых смыслов посредством перестановки букв². Первая восходила к мистическим традициям и опиралась на идею о том, что анаграммирование позволяет обнаруживать имплицитные значения, в первую очередь имен собственных. По всей видимости, эта практика была укоренена в каббалистических представлениях, согласно им судьба человека вписана некоторым образом в его имя. Естественно, общий контекст позднеренессансной культуры с акцентом на алхимические и астрологические практики, тесно связанные с изящной словесностью, благоприятствовал реализации именно этой стратегии в кругах интеллектуалов.

² Анаграмма в буквальном значении и есть перестановка букв. Однако уже у Дж. Донна в элегии «Анаграмма» (ок. 1593 — 1596, название дано в 1635 году издателем), кажется, нет никакой игры с буквами, а понятие «анаграмма» применяется метафорически — для ироничного описания беспорядочности в качествах человека [9, p. 766].

К классическим примерам «вычитывания» предназначения человека из перестановки букв в его имени относится, например, анаграмма имени Пьера де Ронсара — «Роза Пиндара» (*Pierre de Ronsard = Rosa de Pindare*). В этой традиции берет начало значительный пласт европейской литературы — от панегириков до эпиграмм.

Другая стратегия, которая оформилась в позднем Средневековье и раннем модерне, не имеет никаких мистических корней, но вполне вписывается в картину мира новых социальных групп, далеких от пиетета перед эзотерическим знанием, требующим нешуточной языковой подготовки и незаурядных творческих способностей. Ее корни, вероятно, лежат в средневековой «культуре экивока», для нее была характерна игра со словами, побуждавшая читателя открывать неожиданные смыслы в тех странных формулах, с которыми ему приходилось сталкиваться. К этой традиции принадлежит явление, изученное П. Шарроном на материале девизов французских королевских чиновников XV века: выходцы из средних слоев, получившие университетское образование, но далекие от родовой знати и потому образовавшие особое сообщество, создавали себе анаграмматические девизы. По мнению исследователя, анаграмматический девиз, камуфлировавший имя его носителя в виде загадочной (прямо скажем, бессмысленной) формулы, задавал код, понятный лишь узкому кругу выдвинувшихся в силу собственных заслуг лиц [7]. В данном случае непонятное в анаграмме — не вызов для того, кто ищет откровения, а признак принадлежности к сообществу. Строго говоря, оба варианта имеют общий знаменатель: анаграмма служит средством самоидентификации в обществе и в пространстве культуры.

К «прагматической» традиции анаграммирования, которую здесь уместно противопоставить «мистической», относится и практика переименования новообращенных в христианскую веру бывших рабов. Это явление на материале мусульман в Италии XVII—XVIII веков описал В. Рудт де Колленберг [27]. Имена патронов подвергались анаграммированию, и новые христиане обретали вполне благозвучные имена: миланец Джованни Сильва избрал туниССкому негру имя Сальви (*Silva — Salvi*), аббат Лазаро Ботти — своему девятнадцатилетнему крестнику китайского происхождения имя Тибо (*Botti — Tibo*) и т. д. Масштабы распространения этой практики еще нуждаются в дополнительном исследовании, но трудно не поддаваться искушению интерпретировать в этом контексте анаграмму как средство обозначения некоторой связи между патроном и крестником, то есть все той же идентификации.

Присущая анаграмме идентификационная функция в полном объеме реализована в эпоху барокко литераторами, кодирующими (по разным причинам) свои имена при публикации сочинений. По обще-

му мнению, эта практика в XVII веке приобрела необычайный размах. Хотя перестановка букв в имени автора, казалось бы, должна была скрыть его идентичность, на самом деле точное анаграммирование как раз позволяло установить автора, по тем или иным причинам предпочитавшего вымышленное имя настоящему, в отличие от иных псевдонимов, которые могли быть трудными для идентификации автора (см.: [5, S. 118]).

Французские писатели практиковали игру с авторским именем и в XVI веке — в этом ряду Жан Табуро (Tabourot, 1519–1595) и Этьен Табуро (1549–1590), Гильом Дез Отель (Dez Autels, 1529–1580), Блез Паскаль (1623–1662) и многие другие [19, S. 99]. Нередко французские поэты XVI–XVII веков отдавали дань средневековой традиции, столь популярной у трубадуров, анаграмматически шифровать имя Прекрасной дамы. Так, Франсуа де Малерб (Malherbe, 1555–1628) в стихах 1666 года обозначает *Рене* именем *Нере* (Renée = Nerée), а *Катрин* (де Вивонн) — *Арпенис* (Catherine = Arthénice) [19, S. 100].

В XVII веке сокрытие авторства путем анаграммирования распространилось и в Германии. Особенно преуспел в этом знаменитый Ханс Якоб Кристоффель Гриммельсхаузен (ок. 1621–1676), который в публикациях своих сочинений 1666–1673 годов использовал 11 анаграмм при формировании псевдонима (*Grimmelshausen* = *Signeur Messmahl* и др.; см. полный список: [5, S. 120–121]). Обычно анаграммированию подвергалось собственно имя автора, в некоторых случаях, впрочем, анаграмматическая игра касалась иных атрибутов его имени. Хрестоматийный пример — Фридрих фон Логау (Logau, 1605–1655), выпустивший в 1655 году том своих поэтических опытов под псевдонимом *Salomo von Golau* [5, S. 118], запутав читателя в вопросе о том, указывает ли предлог *von* на аристократическое происхождение автора или просто обозначает его малую родину. Еще более сложный случай — Иоганн Михаэль Мошерош (Moscherosch, 1601–1669), который издал сочинение «Видения» (с 1640 года) под псевдонимом «Филандер из Зиттевальда» (Philander von Sittewald). Название населенного пункта было получено путем перестановки букв в реальном месте рождения Мошероша — Вильштедте (Wilstädt) [5, S. 119].

Примеры языковой игры с именами собственными можно найти в самых разных жанрах литературы XVII века. Приведем лишь некоторые. Пьер Буатель (Boitel) в романе «Поражение ложной любви» (1617) прерывает повествование для того, чтобы снабдить читателя списком анаграмм к именам всех персонажей, игравших сколько-нибудь значимую роль в сюжете [13, р. 362]. Герой романа Жана д'Амерона (d'Ameron) по имени Мандор (анаграмма к имени автора: *d'Ameron* = *Mandore*, 1620) беспрестанно составляет анаграммы к именам других

персонажей, в основном представительниц прекрасного пола, и добивается взаимности (по крайней мере в части написания ответных анаграмм) [13, p. 879–880]. Жан-Пьер Камю (Camus, 1584–1652) в шеститомном романе «Алексис» (1622) неоднократно прибегал к анаграмматическому перекодированию традиционных французских имен для своих персонажей (Madeleine – Lindamee, Anthoine – Onianthe) [13, p. 103, 109].

Если обратиться к французской утопической литературе, в ней легко просматривается анаграмматизм в отношении имен. В сочинении Франсуа д'Обиньяка (d'Aubignas, 1604–1676) «Макаризм» (1664) страна стойков получает название *Armacie*. Макаризм – имя правителя страны Армасии, и трудно не усмотреть почти строгую анаграмму в именах собственных *Armacie* / *Macarise* (хотя М. К. Пиоффе, посвятившая очерк воображаемому топониму, этого не делает) [8, p. 112]. Воображение мадам де Вильдьё (Villedieu, 1640–1683) создало в Эгейском море остров Талассия (*Thalassia*), на который якобы был сослан Овидий. Этому сюжету посвящен роман «Изгнанники» (1672–1673). Э. Келлер-Рабе показывает, что слово, несомненно происходящее от греческого *thalassa* (море), легко спутать с названием греческого региона Фессалия (*Thessalie*), причем в некоторых изданиях романа, ставшего особенно популярным в XVIII веке, вместо *Thalassia* наборщики как раз допускали правописание *Thessalie* или даже *Thassalie* [8, p. 481]. Подобный анаграмматизм, далекий, надо полагать, от интенций автора, вовлекает в процесс текстопорождения третьих лиц, задавая весьма неожиданные перспективы и для рецепции текста, и для его исследования. Еще один пример – «История Калежавы» («Histoire de Calejava...», 1700) Клода Жильбера (Gilbert, 1652–1720), в котором остров получил название в честь приезжего законодателя по имени Ава (Ava), и этот палиндром (вид анаграммы), по мнению Э. Фужера, обозначает отождествление для Авы двух обществ – того, из которого он прибыл, и того, куда он прибыл [8, p. 140].

Другой жанр, принесший анаграмме подлинную славу, – это политическая сатира: анаграмма позволяла выразить общественную реакцию на резонансные события (в истории литературы даже используется понятие «политическая анаграмма» [6, p. 106]). Выражение это в условиях политической турбулентности было разновидностью эзопова языка. Пальма первенства в развитии этого жанра, пожалуй, принадлежит английским интеллектуалам, чей опыт оказался конгениален атмосфере политических и социальных потрясений XVII века.

Политическая анаграмма использовалась как для панегириков, так и для диффамации. В развитие позднеренессансных представлений о том, что анаграммы, которые служат развлечению, носят также про-

гностический характер, королеве Елизавете предрекалось счастливое будущее, поскольку латинская версия ее имени *Elissabet Anglorum Regina* («Елизавета, королева англов») удачным образом анаграммировалось как *Multa regnabis sene gloria* («Долголетнее и славное царствование») у Дж. Паттенхема [25, p. 197–198]. Анаграмма как прием коммеморации применялась по отношению к лицам разного социального статуса. Иоганн Каспар Драхштедт (*Drachstedt*, ум. 1656) посвятил в 1658 году поэму умершему в шестилетнем возрасте Андреасу Вольраду Нитнеру. С небольшой неточностью (замена *a* на *e*) поэт вывел из имени *Volrad Andreas Niedner* определение его небесного предназначения: *Rein von der Erden Last* («очищенный от земного бремени», предстоит он перед престолом Господа, писал Драхштедт (см.: [22, p. 85–86]).

Но, конечно, анаграмм к именам знатных лиц в истории культуры известно значительно больше. Мэри Фейдж (*Fage*) в поэме «Список славы» («*Fame's Roll*», 1637) представила в стихотворной форме членов британской королевской семьи и других аристократов, предпослав каждому стиху заголовок в виде имени и анаграммы к нему³. В результате *Charles, King of England* («Карл, король Англии») превратился в *O cheef king, enlarge lands* («О великий король, расширивший страну») [4, p. 73]. Удостоенный этого комплимента монарх, надо отметить, и сам отдавал дань занятиям перестановкой букв, в ходе которых он без лишней скромности пришел к не менее примечательной параллели: *Carolus rex* («король Карл») — *Cras ero lux* («Завтра стану светом») [4, p. 75]. Анаграммирование могло нести функцию культурной легитимации повышения социального статуса аристократов и, таким образом, также выступало своеобразным идентификационным механизмом. Роберт Сомерсет, надо полагать, долгое время не был никому особенно интересен, но когда он стал лордом Чемберленом, выяснилось, что ничего случайного, конечно, в этом не было. Новый лорд удостоился такой похвалы: «Он рожден быть избранным; зеркало державы» (*Robert Somerset Lorde Chamberlaine = He's born, to be elected; a Realm's Mir(r)or*) [6, p. 106–107].

Аналогичные процессы были характерны для Франции, где дело анаграммирования было поставлено на серьезную ногу и приобрело институциональный характер. Выходец из провинциальной / провансальской знати Тома Бийон (*Billon*) дослужился до звания личного анаграмматиста Людовика XIII и смог конвертировать свое остроумие в ежегодную пенсию в 1200 ливров, которую он получал в течение 1624–1631 годов [26, p. 62]. Бийон, как и положено профессионалу, не растрачивал свою квалификацию на простые латинские девизы, а спе-

³ Факт издания этой книги — единственное, что нам достоверно известно об авторе.

циализировался на сложных анаграммах, чтобы оправдать высокую оплату своего труда. К примеру, из фразы *Louis treisiesme roy de France et de Navarre* («Луи XIII, король Франции и Наварры») он составлял достаточно замысловатые тексты: *Ta foy divinisee otera derreur les mecreans* («Твоя божественная вера устранил злодеев»), *Ton armee Sire efroyera le Turc desja desuni* («Твоя армия, Сир, устрасит турок, уже разобщенных»), *Tu feras Anne Mere, et des lors joy icy durera* («Ты сделаешь Анну Матерью, и с этого времени здесь воцарится радость») [10, p. 114]. Бийон составил не меньше 500 подобных анаграмм [21, S. 71], что, конечно, выгодно отличало его от энтузиастов-дилетантов вроде Мэри Фейдж⁴.

Однако наряду с прославлением влиятельных особ анаграммы могли служить и совсем другой цели. Стоит ли говорить, что авторство анаграмм-панегириков обычно не скрывалось, а вот атрибутировать анаграммы-диффамации крайне трудно. Сэр Симондс Д'Юис (D'Ewes, 1602–1650) упоминал в автобиографии об анаграмме, которая широко распространилась в британском обществе после убийства в 1613 году Томаса Овербери: *Thomas Overburie. O! O! A busie murther* («О! О! гнусное убийство») (цит. по: [23, p. 37]). С помощью анаграмм, разумеется, чаще выражалось не сочувствие, а прямая критика, не щадившая ни дипломатов, ни медиков: ненавистный испанский посланник граф Гондомар анонимными английскими острословами представлялся как «римская собака» (*Gondomar = Romane Dog*) [23, p. 55], а, например, непопулярный лондонский проктолог Джон Смит — как «дерьмо на нем» (*Iohn Smith = shit on him*) [6, p. 107]. Свершившаяся в разгар Английской революции казнь Томаса Вентворта, графа Страффорда (1641), ставшая, пожалуй, одним из самых драматичных событий английской истории, породила множество антистраффордских памфлетов, в которых активно использовались анаграммы: имя *Thomas Wentworth* трактовалось как *o what wit, treason, harmes* («о какой ум, предательство, вред») и т. п. [17, p. 242].

Однако даже в то время анаграммирование рассматривалось шире, чем только демонстрация остроумия или мальчишества. Анаграммы могли интерпретироваться как «ключи к более глубокому, даже мистическому или пророческому значению» [6, p. 107]. Подобные анаграммы, имея значительную аудиторию, выполняли двойную функцию — и шутки, образчика остроумия, и средства высказать недозволенную правду (см.: [23, p. 55, 214])⁵. Кроме того, как показывает

⁴ Примеры анаграмм для других членов династии Валуа и потом Бурбонов см.: [19, S. 89–90].

⁵ В барокко эта недозволенная правда, кажется, касалась только политических вопросов. В следующем столетии — в век либертенов — анаграммы приобретут еще одну функцию — будут шифровать эротические понятия (см.: [20, p. 25–26]).

А. Смит, исследовавший популярные альманахи (*miscellanies*), издававшиеся и широко распространявшиеся в Англии 1640–1682 годов, анаграмма была не только привычным занятием для тех авторов, кто был уверен в том, что мир переворачивается вверх дном (что особенно характерно для восприятия текстов в период Английской революции), но также «открывала истину через перестройку поверхностной действительности» [29, p. 148]. Перестановка букв позволяла кодировать подлинные смыслы, что было актуальным прежде всего для угнетенных в политическом отношении групп.

Иногда сатирическая поэзия в раннеюготоровской Англии активно использовала анаграммы в неформальных чемпионатах поэтического мастерства – в таком случае, конечно, авторство не скрывалось, а, наоборот, подчеркивалось. Генри Уолкер (*Walker*) и Джон Тэйлор (*Taylor*, 1578–1653) в 1641 году обменялись памфлетами, где первый из невинной фразы *John Taylor the Poet* («Поэт Джон Тэйлор») сделал зловещую ремарку *Art thou in hel, o poet* («Быть тебе в аду, о поэт»), в ответ на что его визави прислал свою оценку личности оппонента: *Henrie Wallker = = Knave, reviler, hel* («Плут, злоречивый, [в] ад») [23, p. 214].

Потенциал анаграмм в барочной культуре был широко реализован в эпиграмматике (включая политическую эпиграмму, о которой речь шла выше). Немецкое барокко задавало благоприятный контекст для анаграмматической поэзии, которой отдавали дань поэт Мартин Опиц (*Opitz*, 1597–1639), анаграмматист Давид Фридрих Штендер (*Stender*, 1628–1678), философ Николаус Гундлинг (*Gundling*, 1671–1729) и многие другие в Германии; в Австрии это был Матиас Абеле (*Abele*, ок. 1616–1677) и др. (см.: [21, S. 71–73]). Анаграммам мы обязаны целым жанром литературы барокко: «Соединение анаграмм есть, собственно, та область, где зарождается барочная эпиграмматика», – подчеркивает Т. Альтхаус, напоминая, что Ф.Д. Штендер трактовал «замену букв» и эпиграмму как синонимичные понятия [3, S. 177].

Текстопорождающий потенциал анаграммы⁶ раскрывается в поэзии Фридриха фон Логау, который, отталкиваясь от анаграмм, облекает свое морализаторство в поэтическую форму. Например, используя возможности перестановки букв в словах *Rebe* (ребя), *Eber* (кабан), *Erbe* (наследство), он обсуждает перспективы обретения наследования человеком имени кабана и т. п. (1654) [14, S. 36]. Такая «обмирщенная» версия работы по производству текстов уже, кажется, почти ничего общего не имела с «мистической», у которой, впрочем, также были свои адепты в немецком барокко. Ее корни обнаруживаются в творче-

⁶ Уже Филипп Цезен постулировал, что перестановка букв в словах помогает сформулировать мысли, которые, в свою очередь, обуславливают развитие поэтического текста. См. об этом: [21, S. 72].

стве Якоба Бёме (1575–1624) и через него – все в той же каббалистической традиции. Среди его последователей выделяется Даниэль фон Чепко (Daniel von Czerko, 1605–1660), подобно Бёме, интересовавшийся тайной букв. В понимании поэтов-мистиков этого поколения Природа представляла собой книгу, полную тайных знаков, и через известные человеку буквы можно рассчитывать на раскрытие тайных отношений с Книгой Природы, которая для Чепко, как и для других мистиков, подлиннее и чище, чем человеческие писания и книжная мудрость ученых (см.: [11, S. 78]).

Однако именно в эпоху барокко заметен переход от мистики к технике: текстопорождение перестает трактоваться как открытие скрытого смысла, а начинает обретать черты перспективной задачи, своеобразного ремесла. Рефлексия над природой анаграмматического творчества привела к тому, что в Германии XVII века было совершено несколько попыток теоретизирования анаграмматической практики. Настоящий мастер анаграммирования, Филипп Цезен (Zesen, 1619–1689) детально описал технику в сочинении «Геликон» (1640): разъяснив правила, привел примеры с многочисленными анаграммами к именам *Маргарита* и *Фридрих* [21, S. 72]. Установлением правил анаграммирования занимался и энциклопедист Георг Филипп Харсдёрффер (Harsdörffer, 1607–1658). В «*Mathematische und Philosophische Erquickstunden*» (ч. 2, 1651) Харсдёрффер обсуждает, сколько комбинаций может получиться из одного слова, состоящего из четырех букв (приводит все варианты), потом обсуждает возможности комбинаций из всех 26 букв. Как и позднее крупнейший грамматик XVII века Юстус Георг Шоттелиус (Schottelius, 1612–1676) в сочинении 1663 года, Харсдёрффер требовал строгости в использовании языка (немецкие слова анаграммируются по-немецки, латинские – по-латински), а также в перекомбинировании букв (за редчайшими исключениями, наподобие дозволенных замен *iii / w*, *c / k*). «Эта перестановка букв есть часть еврейской Каббалы и побуждает к тончайшему размышлению, умножает изобретательность, привносит прелесть и особенную благопристойность в поэзию и оттого выливается в юмор и поучительные соображения», – говорит Харсдёрффер (цит. по: [16, S. 219]). Оторвавшись от каббалистических корней, Харсдёрффер, подобно другим лютеранским поэтам, понимает анаграмму как чисто литературную игру [22, p. 87]⁷.

⁷ Того же мнения придерживается А. Лиде, указывая, что в эпоху барокко анаграммирование приобрело характер общественного развлечения, игры, которая никак не была связана с поисками скрытых смыслов, характерными для каббалистической традиции [21, S. 74].

В более позднем сочинении «Разговорные игры дам» (1644/1649) Харсдёрффер возвращается к тематике многовариантности комбинаций на примере имени Юлия (Jvlja), которое имеет 120 вариантов перестановки букв, однако при строгом соблюдении правил, вынужден признать Харсдёрффер, возможности получить осмысленные результаты ограничены, из *Julia* получается (и то лишь при взаимозаменяемости *i* и *j*) только другое имя — *Livia* [16, S. 220]. Далее Харсдёрффер предлагает содержательно значимые анаграммы для разных слов: имя *Reimund* (Раймунд) анаграммируется в *dein Rum* (твоя слава), а *Sinnbild* (символ) — в *Blindnis* (слепота). Для последнего примера в диалоге предлагается квазифилософское обоснование того, как от слепоты можно перейти к пониманию символизма [16, S. 220–221]. Однако разъяснением, как связаны исходное и итоговое слова, Харсдёрффер не ограничивается. Он обсуждает следующий переход — от анаграммы к поэзии, к текстопорождению. В беседе персонажей «Разговорных игр дам» достигается виртуозность в переходе от *Lieb* к *Beil*, потом к *Leib*, *Bley* и, наконец, к *Ubel* (в александрийском стихе каждая анаграмма поясняется отдельным двустишием), и замена *i* на *y* или *ï* обусловлена фонетическим принципом (близостью звуков при произношении). Стратегия игровой работы с языковым материалом состоит в том, чтобы сначала найти к исходному слову имеющую смысл анаграмму, а потом вписать оба слова в двустишие⁸.

Подход Харсдёрффера к анаграмме находит поддержку у других лютеранских поэтов. Анна Линтон, цитируя анонимного автора трактата «Das ABC cum notis variorum...» (1703), замечает, что «параграммы и анаграммы использовались в похоронной поэзии в первую очередь для того чтобы увязать имена с библейскими стихами или характеристиками, и на смену вере в подразумеваемое подобие сущностей пришло удовольствие, получаемое от изобретательности и остроумия» [22, p. 88].

В Англии позднеренессансная теория литературы в целом благоклонно воспринимала использование анаграмм. В трактате «Искусство английской поэзии» (1589) Джордж Паттенхем (Puttenham, 1529–1590) понимал под самой утонченной поэзией ту, в которой читателя

⁸ Правила составления анаграмм на латинских примерах представлены и в русских риториках и поэтиках XVII века Л.И. Сазонова пересказывает правила из «Киевской поэтики» (1637): 1) в анаграмме должно быть столько же букв, сколько и в исходном тексте; 2) анаграмма должна быть включена в состав эпиграммы; 3) содержание анаграммы должно соответствовать содержанию эпиграммы [2, с. 222]. Переход от латинского к славянским языкам был, можно сказать, стремительным — уже в 1628 году. Также о том, как анаграммы из светской литературы перешли в церковную, см.: [2, с. 222–223].

ублажают так же, как это делают сладости. Анаграммы, как и другие игры со словами, призваны выполнять именно эту роль. В трактате Паттенхем в качестве иллюстрации приводит знаменитую анаграмму *aromelitos = Ptolemaios* [25, p. 196].

Однако к XVII веку заявили о себе и противники использования анаграмм⁹. Джозеф Глэнвилл (Glanvill, 1636–1680), член Королевского общества с 1655 года, выступает в трактате «Plus ultra» (1668) с позиций критики ренессансной риторики, имевшей магическое (окультиное) происхождение. Анаграммы у Глэнвилла, наряду с криптограммами, мистическими играми слов и маловразумительными метафорами стали объектом сокрушительной критики [28, p. 53]. Однако, насколько можно судить, цель не была достигнута — анаграммы к XVII веку заняли прочное место в арсенале мастеров слова во всей Европе.

Перспективы дальнейшего изучения барочной анаграммы обусловлены нашей возрастающей осведомленностью как о социальном, так и о чисто языковом аспекте этого явления. С одной стороны, малоисследованной, но важнейшей для понимания *логики культуры* темой остается природа самоидентификации авторов анаграмм. У этой проблемы помимо обсуждавшихся выше есть, например, гендерное измерение. Мэри Фейдж и леди Элинор Дэвис (Davies, 1590–1652) составляют немногочисленный отряд женщин в армии анаграмматистов XVII столетия. Однако если анаграммирование выступало как элемент механизма самоидентификации для мужчин в социальном или политическом смысле, то, возможно, занятия образованных женщин анаграммированием были не простой данью моде, но также стратегией реализации идентичности (см.: [4, p. 72; 6, p. 107]). Например, саморепрезентация леди Дэвис в качестве «божественно вдохновленного пророка» через использование анаграмм открывала ей возможность беспрепятственного сатирического творчества в обществе, где политическая активность женщин была лимитирована, то есть, по сути, позволяла преодолеть гендерно обусловленные границы путем обращения к «корпорации» интеллектуалов за счет личного творческого дарования.

С другой стороны, эпоха барокко — это время, когда анаграммирование в условиях европейского многоязычия неизбежно от экспе-

⁹ Во Франции еще в 1595 году вышел трактат «О божественном отмщении» Даниэля Друэна (Drouin), в котором анаграммы подвергались критике с моральных позиций — наряду с астрологией и различными элементами демонологии, магии и т. п. Однако эта линия, в отличие от чисто филологической критики, развития не получила ни во Франции, ни в других странах Европы (см.: [12, p. 773]).

риментов внутри эмансипированного Реформацией национального языка переходит к поискам мультязыкового кода, открывающего поистине бесконечные возможности для тексто- и смыслопорождений.

Требование анаграммировать внутри одного и того же языка, сформулированное Харсдёрффером, уже не могло выдерживаться *креативным классом* анаграмматистов. Упомянувшийся выше Г. Уолкер занимался двуязычным анаграммированием: записывал английские имена еврейскими буквами, после чего переводил получившееся «значение» с иврита на английский. Так, он пытался постичь будущее Карла II на основе своего мультязыкового кода. С этой целью он взял имя Карла, записал еврейскими буквами и получил в обратном переводе «He was in flames to disperse a Cloud», то есть «Объятый пламенем он разгоняет тучи» (не очень понятно, чем этот прогноз помог в конечном счете Карлу II). Для Уолкера, отмечает современный исследователь, анаграмма, как и другие виды криптограмм, приобретала смысл «чистой божественной власти, которую пуритане чувствовали в еврейских словах» [28, p. 62–63].

Амбивалентность, свойственная анаграмме по самой ее природе, должна была получить дополнительное измерение смысла при использовании разных языков. Исследование этих аспектов истории анаграммы потребует мобилизации восточноевропейского материала — например, русского или польского барокко¹⁰. Формирование общеевропейского культурного пространства (по большому счету, ставшее возможным начиная именно с эпохи барокко) в условиях интенсивных международных контактов провоцировало на межязыковые эксперименты. Приведем лишь один из примеров, которые нуждаются в дальнейшем исследовании. В 1697 году иезуиты в Митаве (Курляндия) провожали на запад Великое посольство Петра I специальным напутствием, написанным Христианом Борнманном в форме элогиума, типичного для барочной культуры. Среди приемов, применявшихся в процессе написания текста, были латинские и славянские анаграммы-этимологии: «DOMINUM FRANCISCUM JACOBLEWICZ Le FORT Id est Floret anagr: Floret hic re & Nomine Flor» («(г(о)с(по)д(и)на Франца Яковлевича Лефорта. / се есть цвѣтет / цвѣтет сей делом и именем цвѣт») или «Illustrissimus Procopius Bogdanowicz WOZNI-CYNA, Verè à Deo datus» («яснейший Прокофеи Богданович Возницын / / истинно от Бога дан») [1, с. 99, 107, 110]. Сам текст натолкнул

¹⁰ См. о русском барокко: [2], в частности с. 222–227. Об анаграмме в культуре позднего польское барокко (первая половина XVIII в.) см.: [15, s. 498–499; 24, s. 134–138].

публикаторов на выявление анаграмм — имя Лефорта ассоциировалось с цветением, а отчество Возницына обыгрывалось на латыни (*от Бога дан*). В номинации третьего посла, однако, публикаторы анаграмму не усмотрели.

DOMINUS FEODOR ALEXIEWICZ HOLOWIN,
Quo vinctus & victus hostis
Suam in Vinculis defleat fortunam;
Quam nimium superbo reddiderat insolentem fastu.

Русский перевод: «Яснѣйший превосходителнѣйший / г(о)с(по)-д(и)н Феодор Алексѣевич Головин, / которым вязан и побѣжден недруг. / В своих узах заплачет о своем злосчастьи, / которое он себѣ зѣло гордым надмением причинил / чрезвычайно» [1, с. 107, 110].

Прямой анаграммы (как в случае Лефорта) здесь, похоже, нет¹¹. Однако если обратиться к мультиязыковому анаграмматическому коду, который применяется в пассаже о Вознице, то недостающее звено может быть обнаружено. Латинское «голова» (*caput*), отсылающее к фамилии Головина, отсутствует в этой части текста (слово, впрочем, есть выше, в начале элогиума — *his caput conspergito tuum*). Однако *caput* присутствует в семантике характеристики Головина, «вяжущего и побеждающего» неприятеля, то есть берущего его в плен. Причастие «плененный» (*captus*, от глагола *capio*) — почти точная анаграмма слова «голова» (*caput*), в родительном падеже *capitis* (головы, то есть Головин). Имел ли Борнманн в виду такую замысловатую игру слов, не очень понятно, но разрешение на эксперименты со словами в разных языках, придавшее многомерность пространству анаграмматических практик, открывает также широкие возможности для интерпретаций.

Анаграмма эпохи барокко совершила достаточно быстрый переход от интеллектуально-эстетического развлечения к технике текстопорождения и поводу для рефлексии. На этом пути она, кажется, окончательно освободилась от эзотерического наследия средневековой и ренессансной культуры и определила перспективы и литературного творчества (особенно в литературе XX—XXI столетий), и науки об анаграммах. Фердинанд де Соссюр, ставший признанным теоретиком анаграмм после долгих штудий материала древнеиндоевропейских литератур, едва ли был глубоко погружен в детали барочных риторических теорий. Но в самом внимании гуманитарной науки XX—XXI веков

¹¹ Хотя искушение вычитать фамилию Holo(w)in в сочетаниях HOstis... VINculis (также VINctus) достаточно велико. Кроме того, можно в этом пассаже найти еще одну скрытую анаграмму к имени Лефорта: LE FORT = defLEat FORTUnam.

к анаграмме как феномену культуры есть не только заслуга великого швейцарского лингвиста, но и синергетический эффект коллективных творческих усилий значительного числа интеллектуально и эстетически взыскательных авторов эпохи барокко – от анонимных памфлетистов до теоретиков поэтики.

Список источников и литературы

1. Алтатов С. В., Шамин С. М. Элогиум митавских иезуитов в документах Великого посольства 1697 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. Т. 58, №4. С. 96 – 110.
2. Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.
3. Althaus Th. Epigrammatisches Barock. Berlin, 1996.
4. Augarde T. The Oxford guide to word games. Oxford; N. Y., 1986.
5. Bastwöste N. Die Courasche bei Grimmelshausen. Hamburg, 2014.
6. Bellany A. The politics of court scandal in early modern England. News culture and the Overbury affair, 1603 – 1660. Cambridge, 2002.
7. Charron P. Culture du secret et goût de l'équivoque: les manuscrits à devise anagrammatique à la fin du Moyen Âge // Lecture, représentation et citation. L'image comme texte et l'image comme signe (XIe-XVIIe siècle). Lille, 2007. P. 117 – 128.
8. Dictionnaire analytique des toponymes imaginaires dans la littérature narrative de langue française (1605 – 1711) / sous la dir. M.-Ch. Pioffet. P., 2013.
9. Donne J. The Valorium Edition of the Poetry of John Donne / ed. G. A. Stringer. Bloomington, 2000. Vol. 2: The Elegies.
10. Drévuillon H. Lire et écrire l'avenir. L'astrologie dans la France du grand siècle (1610 – 1715). Seyssel, 1996.
11. Emrich W. Deutsche Literatur der Barockzeit. Königstein, 1981.
12. Fictions narratives en prose de l'âge baroque. Répertoire analytique / sous la dir. F. Greiner. P., 2007. Partie 1 (1585 – 1610).
13. Fictions narratives en prose de l'âge baroque. Répertoire analytique / sous la dir. F. Greiner. P., 2014. Partie 2 (1611 – 1623).
14. Hain M. Rätsel. Stuttgart, 1966.
15. Hernas Cz. Barok. Warszawa, 2008.
16. Hundt M. "Spracharbeit" im 17. Jahrhundert. Studien zu Georg Philipp Harsdörffer, Justus Georg Schottelius und Christian Gueintz. Berlin ; N. Y., 2000.
17. Kilburn T., Milton A. Public context of Strafford's trial and execution // The political world of Thomas Wentworth, earl of Strafford, 1621 – 1641 / ed. J. F. Merritt. Cambridge, 1996. P. 230 – 251.
18. Kühn R. Das Rosenbaertlein-Experiment. Studien zum Anagramm. Bielefeld, 1994.
19. Kuhs E. Buchstabendichtung. Zur gattungskonstituierender Funktion von Buchstabenformationen in der französischen Literatur vom Mittelalter bis zum Ende des 19. Jahrhunderts. Heidelberg, 1982.

20. *Lasowski P.W.* Dictionnaire libertin. La langue du Plaisir au siècle des Lumières. P., 2011.
21. *Liede A.* Dichtung als Spiel. Studien zur Ursinns poesie an den Grenzen der Sprache. Berlin, 1963. Bd. 2.
22. *Linton A.* Poetry and parental bereavement in early modern Lutheran Germany. Oxford, 2008.
23. *McRae A.* Literature, satire and the early Stuart state. Cambridge, 2004.
24. *Pieczysłowski M.* Kirke, Proteusz i Lutnia rozstrojona. O poezii experimentalnej późnego baroku w świetle wypowiedzi teoretycznych. Warszawa, 2013.
25. *Puttenham G.* The Art of English poesie. A critical edition / ed. F. Whigham, W. A. Rebhorn. Ithaca ; L., 2007.
26. *Richelet P.* Nouveau dictionnaire français. Amsterdam, 1709. T. 1.
27. *Rudt de Collenberg W.H.* Le baptême des musulmans esclaves à Rome aux XVIIe et XVIIIe siècles. I. Le XVIIe siècle // Mélanges de l'École française de Rome. Italie et Méditerranée. 1989. T. 101, №1. P. 9–181.
28. *Smith N.* The uses of Hebrew in the English revolution // Language, Self, and Society. A Social History of Language / ed. P. Burke, R. Porter. Cambridge, 1991. P. 51–71.
29. *Smyth A.* "Profit and delight". Printed miscellanies in England, 1640–1682. Detroit, 2004.
30. *Stark R.J.* Rhetoric, science and magic in Seventeenth-century England. Washington, 2009.
31. *Vuillemin J.-C.* Baroque: le mot et la chose // Oeuvres critiques. 2007. Vol. 32, №2. P. 13–21.

Ilya Dementyev

**BETWEEN MYSTICISM AND TECHNIQUE:
ANAGRAM IN THE EUROPEAN BAROQUE CULTURE**

The author analyses the history of anagrams in the European baroque culture of the 17th century, shows a rich diversity of literary genres where anagrams are used, and identifies the main trends and techniques of creating anagrams. The article outlines the scope of problems for a future study of anagrams in different areas of contemporary European culture.

Key words: *anagram, Baroque, European culture.*